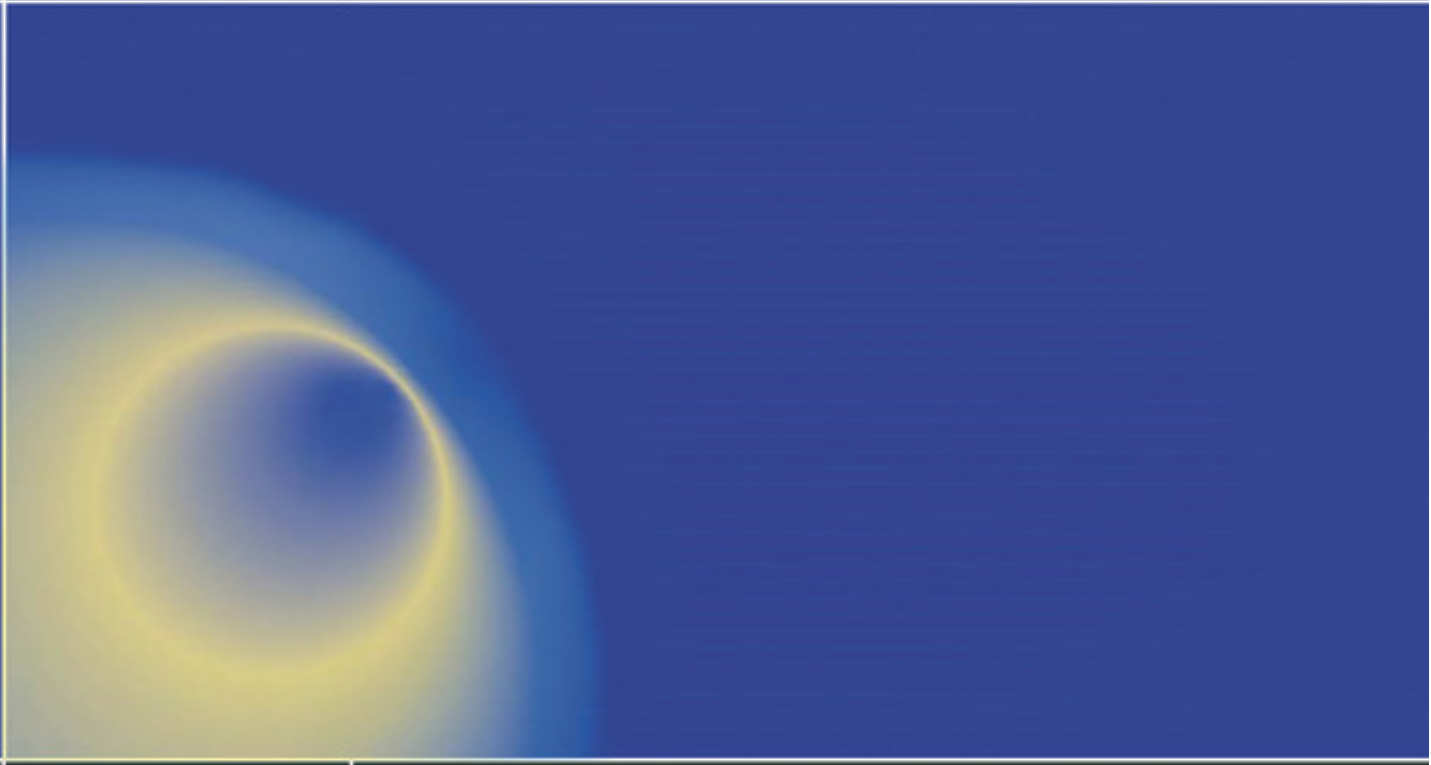

В. В. Груздев

ГРАЖДАНСКО- ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ

Книга первая:
общие положения

ЮСТИЦ ИНФОРМ

Владислав Груздев

**Гражданско-правовая
защита имущественных
интересов личности. Книга
1. Общие положения**

«Юстицинформ»

2012

Груздев В. В.

Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности.
Книга 1. Общие положения / В. В. Груздев — «Юстицинформ»,
2012

ISBN 978-5-7205-1149-4

В юриспруденции традиционно исследуется проблема защиты гражданских прав, которая имеет комплексный, частно-публичный характер. Что касается цивилистической науки, то она должна изучать феномен гражданско-правовой защиты как деятельности участника оборота по реализации принадлежащих ему охранительных правомочий или охранительных прав. В настоящей книге последовательно анализируются основные элементы и механизм указанной деятельности, дается общая характеристика охранительных обязательств. Издание предназначено для студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений, научных и практических работников, а также всех тех, кому интересны проблемы современного гражданского права.

ISBN 978-5-7205-1149-4

© Груздев В. В., 2012
© Юстицинформ, 2012

Содержание

Предисловие	5
1. ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ	7
1.1. Субъективное право	7
1.2. Охраняемый законом интерес	14
2. УЧАСТНИКИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владислав Викторович Груздев

Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности.

Книга 1. Общие положения

Предисловие

Существование социума нереально без явлений нарушения или угрозы нарушения субъективных прав и охраняемых законом интересов личности. Задача цивилистической науки – на основе теоретических исследований разработать эффективный и надежный механизм гражданско-правового регулирования общественных отношений, предложив законодателю пути дальнейшего совершенствования юридических норм, направленных на предотвращение или устранение неблагоприятных последствий упомянутых явлений. Параллельно должна подвергаться тщательному анализу практика применения соответствующих норм.

Цивилистическая теория защиты в последние два десятилетия развивается стремительными темпами. Близится смена ее парадигмы. Этому во многом способствует и увеличение количества имущественных споров на фоне происходящих в стране экономических преобразований, а также активное использование представителями различных научных школ сравнительно-правового инструментария.

Сказанное свидетельствует о несомненной научной актуальности и практической значимости проводимых в рассматриваемой сфере исследований. Не является исключением и настоящая работа, тема которой продиктована следующими основными соображениями.

Во-первых, проблематика защиты прав и охраняемых законом интересов человеческой или производной личности относится к числу наиболее изученных областей современной юриспруденции – ей посвящено огромное количество научных трудов как общетеоретического, так и отраслевого уровня, включая процессуальную литературу. Вместе с тем высокая плодотворность творческой деятельности порождает потребность в тщательной систематизации накопленных знаний, процесс которой серьезно тормозится отсутствием четкой демаркации между собственно гражданско-правовыми исследованиями, с одной стороны, и научными изысканиями иной тематической направленности – с другой. Как следствие, ощущается нехватка специального материала, разработанного с обеспечением удобства его восприятия и использования в правотворческой или правоприменительной деятельности.

Во-вторых, заметное влияние на состояние цивилистической мысли в исследуемой области оказали публично-правовые отрасли юридической науки – уголовное и административное право, гражданский и арбитражный процесс. Однако, как показывает практика правоприменения, представления, сформированные на публично-правовом фундаменте, не позволяют решать многие вопросы частноправового характера. Речь идет о таких давно используемых в цивилистическом обиходе конструкциях, как «гражданское правонарушение», «состав гражданского правонарушения», «защита гражданских прав», «гражданско-правовая ответственность» и т. п. Сложившуюся ситуацию реально изменить, если избавить методологию исследования от чуждых цивилистике подходов. Неизбежно образующиеся при этом научные пробелы необходимо восполнить адекватными предмету гражданского права знаниями.

С учетом отмеченного в работе предлагается концепция гражданско-правовой защиты как деятельности исключительно носителя нарушенного или оспоренного интереса (реализованного или нереализованного в субъективном праве) по осуществлению принадлежащего ему

же охранительного правомочия или охранительного права. Соответственно в первую очередь подвергнуты детальному анализу юридически значимые аспекты именно данной деятельности – ее предпосылки, объекты, участники, содержание.

Вместе с тем структура исследования отвечает соотношению общего и особенного в гражданско-правовом регулировании. Изучение в настоящей книге феномена защиты как такового диалектически дополнено в книге второй анализом его отдельных сторон, а именно охранительных правомочий в составе нарушенного или оспоренного регулятивного права и охранительных прав. Также специально будут освещены принципиальные моменты юрисдикционной формы защиты субъективных прав как основного механизма обеспечения интересов личности.

В орбиту внимания вовлечены и вопросы общетеоретического значения (о структуре субъективного права, понятии охраняемого законом интереса, правосубъектности, строении юридической нормы, толковании права, классификации юридических фактов).

Что касается пограничных рассмотренной тематике публично-правовых проблем, то они затронуты только в той мере, в какой это способствует раскрытию темы работы.

Таким образом, изучение гражданско-правовой защиты имеет для цивилистической науки как фундаментальное, так и прикладное значение, одновременно обогащая новыми знаниями юридическую мысль в целом.

1. ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

1.1. Субъективное право

Настоящее исследование целесообразно начать с освещения проблемы субъективного права, решение которой будет способствовать определению места так называемого «права на защиту» в системе юридических явлений. Кроме того, как следует из ст. 11 ГК РФ, ст. 2 ГПК РФ и ст. 2 АПК РФ, субъективное право является основным объектом самой защиты. Следовательно, проблема субъективного права без преувеличения – методологический ключ к правильному пониманию феномена гражданско-правовой защиты.

В юридической науке высказаны два основных взгляда на сущность субъективного права: согласно первому субъективное право выступает мерой возможного поведения управомоченного лица¹, в силу второго субъективное право – это возможность быть причиной действий обязанного лица или возможность действий управомоченного лица, возникающая вследствие обеспечения определенного поведения обязанных лиц².

Указывая на корни заложенной в субъективном праве возможности поведения управомоченного лица, второй подход вполне может быть признан гносеологическим продолжением первого. Сказанное дает повод для объединения обоих подходов с целью обоснования комбинированной концепции субъективного права. Предварительно необходимо сделать следующие принципиальные оговорки.

Во-первых, не лишено разумных оснований суждение о том, что определение субъективного права «через понятие *возможности* несколько искажает истинное положение вещей, ибо подавляющее большинство субъективных прав не исчерпываются *возможностью* (единственной возможностью), а представляют собой их *совокупность* или *систему*»³. Однако определение субъективного права через понятие возможности вполне допустимо, если в качестве ее элементов (отдельных правомочий) рассматривать более мелкие возможности – *субвозможности*. С этой позиции словосочетания «возможность управомоченного лица» и «мера возможного поведения управомоченного лица» равным образом пригодны для дефиниции субъективного права.

Во-вторых, субъективное право представляет собой возможность *поведения* (меру возможного *поведения*), а именно совершения действий либо воздержания от совершения действий. Так, обладатель абсолютного права может не совершать каких-либо действий в отношении объекта своего права, что ни в коей мере не отражается на характере пассивного поведения обязанных лиц – они всегда обязаны воздерживаться от всяких нарушений абсолютного права. В свою очередь, относительное право предоставляет кредитору возможность поведения в форме присвоения (обращения в свою пользу) результата действий, или активного поведения, должника. Важно учитывать, что речь идет о *законности основания (титуле) присвоения* кредитором доставленного должником блага (в том числе переданного имущества, выполненной работы, оказанной услуги).

---

¹ См., напр.: Толстой Ю.К. К теории правоотношения. – Л., 1959. – С. 45, 46; Красавчиков О.А. Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения: сб. науч. тр. СЮИ. – Вып. 39. – Свердловск, 1975. – С. 17; и др.

² См., напр.: Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства // Избранные труды по общей теории права. – СПб., 2006. – С. 169; Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды: в 4 т. – Т. 1. – СПб., 2003. – С. 87, 88, 90 и др.

³ Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. – М., 2008. – С. 230 (авторы очерка – А.Б. Бабаев и В.А. Белов).

В гражданско-правовой доктрине признается существование обязательств с отрицательным содержанием, в которых обязанность должника исчерпывается необходимостью воздержания от действия (*non facere*)⁴.

Природа обязательства как относительного правоотношения предполагает наличие у должника обязанности, способной к принудительной реализации. Причем в случае обнаружившейся невозможности исполнения обязанности в натуре по обстоятельствам, за которые должник отвечает, во всяком случае должна сохраняться возможность взыскания денежного эквивалента непереданного кредитору блага.

Понуждение к соблюдению обязанности *non facere* мыслимо в ситуации физического ограничения личной свободы, что в условиях правового государства допустимо только в случаях и в порядке, установленных законом. Кроме того, совершенно нереальна стоимостная оценка судом нарушения отрицательной обязанности с целью взыскания с должника денежного эквивалента неисполненного. В случае же, когда такая оценка производится самими заинтересованными лицами (безразлично, до или после совершения «запрещенного» действия), речь может идти только о договорном обязательстве, в содержание которого входит положительная обязанность должника передать денежную сумму кредитору. Иными словами, отыскать достаточные основания для существования гражданско-правовых обязательств, не предусматривающих активного поведения должника, не удастся⁵.

В-третьих, использование возможности, предоставляемой субъективным правом, обеспечивается должным поведением обязанных лиц – всех третьих лиц (для абсолютного права) либо конкретных лиц (для относительного права). Данное обстоятельство демонстрирует саму природу субъективного права, входящего наряду с корреспондирующей ему обязанностью (корреспондирующими ему обязанностями) в содержание определенного правоотношения⁶.

По мнению М.А. Гурвича, неотъемлемым свойством всякого субъективного гражданского права является способность к осуществлению в принудительном порядке, причем данное свойство (и в этом заключается его особенность) проявляется только при определенных обстоятельствах, после наступления которых право, ранее имевшее ненапряженный (неисковой) характер, «во всем своем содержании приобретает напряженный характер веления, исполненного принудительной силы... созревает, становится годным к немедленному осуществлению», приходит в состояние «боевой готовности»⁷.

⁴ См., напр.: Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. – Т. I. – М., 2002. – С. 204; Российское гражданское право: учебник: в 2 т. – Т. II / отв. ред. Е.А. Суханов. – М., 2010. – С. 40, 41. Известным поводом для такого подхода сегодня служит норма, закрепленная в п. 1 ст. 307 ГК РФ.

⁵ Сделанный вывод распространяется и на сложное правоотношение, включающее несколько взаимосвязанных прав и обязанностей (обязательство в широком смысле), и на простую юридическую связь, представленную единственным правом с противостоящей ему положительной обязанностью (обязательство в узком смысле) (о широком и узком значениях понятия обязательства см.: Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. – М., 2004. – С. 22–24; Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. – М., 2005. – С. 21).

⁶ Следует подчеркнуть, что абсолютному праву противостоят именно обязанности всех третьих лиц, а не одна «всеобщая» обязанность, как ее представлял Д.М. Генкин, подвергая критике концепцию абсолютных правоотношений (Генкин Д.М. Право собственности в СССР. – М., 1961. – С. 38), и не обязанности неопределенного круга лиц, как зачастую неточно высказываются цивилисты (см., напр.: Российское гражданское право: учебник: в 2 т. – Т. I / отв. ред. Е.А. Суханов. – М., 2010. – С. 122). Во-первых, ситуацию, в которой не знающие друг друга лица соединены одной обязанностью, трудно представить даже гипотетически. Во-вторых, нарушение общей обязанности хотя бы одним обязанным лицом должно отразиться на характере отношений управомоченного лица со всеми обязанными лицами. Однако в случае нарушения абсолютного права охранительное требование возникает у правообладателя только в отношении нарушителя. В-третьих, выражение «обязанности неопределенного круга лиц» содержит внутреннее противоречие, ибо обязанности, существующие в рамках конкретного правоотношения, не могут быть персонифицированными. В связи с этим обязанными должны признаваться абсолютно все.

⁷ Гурвич М.А. Право на иск. – М. – Л., 1949. – С. 142. Схожие мысли о переходе субъективного права в притязание можно найти у таких корифеев правовой науки, как О.А. Красавчиков (Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. – Т. 2. – М., 2005. – С. 130–132) и С.С. Алексеев (Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. – М., 2008. – С. 366).

Применительно к исследованию регулятивного права данные соображения заключают в себе огромный познавательный потенциал.

Так, только совершение или угроза совершения определенным лицом действий, от которых должны воздерживаться все одновременно обязанные лица, приводит к возникновению охранительного правомочия в составе нарушенного или оспоренного абсолютного права.

То же самое можно сказать о регулятивных относительных правах. До наступления определенного обстоятельства (в частности, срока исполнения обязательства) управомоченное лицо не может требовать (в том числе в принудительном порядке) совершения должником действий. В то же время ст. 315 ГК РФ принципиально допускает досрочное исполнение обязательства. Получается, что, не обладая правомочием требовать исполнения обязательства, кредитор вместе с тем может присваивать на законных основаниях результат поведения должника (доставленное последним благо). Появление же у кредитора притязания связывается с неисполнением или ненадлежащим исполнением должником обязательства в установленный срок (с нарушением права) либо с возникновением угрозы такого неисполнения или ненадлежащего исполнения (с оспариванием права). Иными словами, правомочие требования выступает элементом лишь того регулятивного относительного права, которое находится в нарушенном или оспоренном состоянии (по образному выражению М.А. Гурвича, в состоянии «боевой готовности»).

Что касается охранительного права, то оно изначально возникает как право требования (притязание). Это, в частности, свидетельствует, что охранительное обязательство подлежит немедленному исполнению и правила п. 2 ст. 314 ГК РФ к нему не применимы⁸. Однако поскольку целью любого обязательства выступает предоставление должником исполнения кредиту, и под регулятивным относительным правом (как в нарушенном, так и в ненарушенном состоянии), и под охранительным правом верно понимать возможность поведения управомоченного лица в форме присвоения результата действий должника⁹.

---

⁸ Срок исполнения обязательства следует отличать от условия его исполнения. Так, определяемые охранительные обязательства подлежат исполнению при условии определения их предмета соглашением сторон или, при возникновении спора, судом; обеспечительные обязательства – при условии нарушения основного обязательства; страховое обязательство – при условии наступления страхового случая. В этой связи ошибочна позиция Л.А. Новоселовой, связывающая срок исполнения денежного обязательства с моментом определения суммы данного обязательства, т. е. с условием исполнения обязательства (Новоселова Л.А. Проценты по денежным обязательствам [Электронный ресурс]. – М., 2003. Электронная версия печат. публ. // СПС «КонсультантПлюс»).

⁹ М.А. Рожкова указывает: «Права кредитора, в частности, могут включать в себя в одних случаях право на действие другого лица, а в других случаях – право на результат действий другого лица, что охватывается единым термином – «право требования». Важно, что в любом случае налицо стремление кредитора к удовлетворению его потребности» (Рожкова М.А. К вопросу об обязательствах и основаниях их возникновения // Вестник ВАС РФ. – 2001. – № 6. – С. 73). По поводу данных рассуждений можно высказать следующие возражения. Во-первых, потребовать от должника исполнения обязательства кредитор во всяком случае вправе не ранее наступления срока исполнения. При этом, как следует из семантического значения термина «требование», речь идет об активном поведении предъявляющего требование лица (кредитора). Однако цель обязательства, наоборот, достигается за счет активного поведения должника. При таких условиях понятие «право требования» как право на активное поведение самого кредитора вряд ли можно признать родовым по отношению к понятиям «право на действие другого лица» и «право на результат действий другого лица», где под действием (действиями) разумеется активное поведение должника. Во-вторых, стремление к удовлетворению потребности после возникновения обязательственного права у кредитора может и исчезнуть, что, однако, не приведет к автоматическому прекращению или изменению указанного права. Например, покупатель, утративший после заключения договора купли-продажи интерес в праве собственности на приобретаемую вещь и, тем не менее, принимающий такую вещь от продавца, становится ее собственником, т. е. считается присвоившим результат активного поведения должника (даже если он сразу выбрасывает купленную вещь за ненадобностью). В-третьих, праву требования должна корреспондировать обязанность удовлетворить требование. В обязательстве же обязанность должника сводится к предоставлению исполнения, которое вполне может последовать и до наступления момента, с которым связывается появление у кредитора требования. Из сказанного вытекает единственно верный логический вывод: обязанность предоставить исполнение *противостоит праву на присвоение исполненного*.

Таким образом, субъективное право есть предусмотренная законом возможность поведения (мера возможного поведения) управомоченного лица, использование которой обеспечивается должным поведением обязанных лиц¹⁰.

В юриспруденции чуть ли не аксиомой является положение о том, что субъективное право состоит из набора определенных взаимосвязанных возможностей (правомочий), т. е. представляет собой систему. Почти единодушно признается также, что субъективное право включает правомочие на собственное поведение и правомочие требования (правомочие на чужое поведение). Вместе с тем одни авторы считают необходимым дополнить перечень элементов субъективного права правомочием на защиту¹¹, в то время как другие полагают, что соответствующая возможность образует самостоятельное субъективное право¹².

Мнение о том, что субъективное право (впрочем, как и любое целостное юридическое явление) является системой, не может вызывать возражений. В то же время требуется уточнить, что именно следует рассматривать в качестве объекта системного исследования – субъективное право как абстрактную категорию (субъективное право вообще) или реальное субъективное право (конкретное, единичное субъективное право). Без этого правильно ответить на вопрос, из каких отдельных правомочий состоит субъективное право, нереально.

В юридической литературе уже обращалось внимание на чрезвычайное разнообразие действий, возможностью совершения которых (возможностью присвоения результата которых) обладает управомоченный субъект: «Возможность совершения или требования «действий вообще», – подчеркивают А.Б. Бабаев и В.А. Белов, – **не может выступать содержанием ни одного субъективного права** из-за своей содержательной неопределенности. Как не существует просто «действий», действий как таковых, точно так же не бывает и правомочия «действия» или «требования». «Действовать» и «требовать действия» – это, следовательно, **еще не сами правомочия**, а лишь два возможных *вида* правомочий. Каждый вид объединяет в себе правомочия на разнообразные и многочисленные действия, конкретизируемые, как правило, лишь в рамках **единичных субъективных прав** (выделено авт. – В.Г.)»¹³.

С приведенными высказываниями трудно не согласиться. В самом деле, субъективное право, выступая возможностью поведения (мерой возможного поведения) управомоченного субъекта, наполняется конкретным содержанием только в реальной действительности как элемент системы иного порядка – правоотношения. А поскольку содержание субъективного права составляет набор конкретных взаимосвязанных правомочий, объектом системно-структурного анализа должно являться только единичное субъективное право. Исследование же субъективного права как абстрактной категории на предмет выявления его элементов не только бессмысленно, но и невозможно, так как содержание субъективного права, а следовательно, и составляющие его правомочия, на абстрактном уровне не определимы: строгая индивидуальность и

¹⁰ Схожие определения даются многими правоведом. Например, Ю.Н. Андреев указывает: «Если объективное (позитивное) гражданское право является системой (совокупностью) норм, регулирующих имущественные и личные неимущественные отношения между субъектами гражданского права, то субъективное гражданское право отражает, в сущности, меру возможного поведения определенного управомоченного лица, обеспеченную законом и соответствующим поведением обязанного лица» (Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты [Электронный ресурс]. – М., 2010 // СПС «КонсультантПлюс»).

¹¹ См., напр.: Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. – М., 1955. – С. 108, 109; Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. – М., 1976. – С. 73–74; Теория государства и права: учебник/под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. – М., 2008. – С. 503, 504; Российское гражданское право: учебник: в 2 т. – Т. I / отв. ред. Е.А. Суханов. – С. 113, 114; и др.

¹² См., напр.: Власова А.В. Структура субъективного гражданского права. – Ярославль, 1998. – С. 94; Гражданское право: учебник: в 3 т. – Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. – М., 2009. – С. 541; Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. – С. 233–235; и др. Сюда же относится обладающая известным компромиссом точка зрения Р.Ш. Менглиева о том, что право на защиту – одно из правомочий субъективного права, но в результате правонарушения оно трансформируется в самостоятельное субъективное право (Менглиев Р.Ш. Защита прав владения. – Душанбе, 2002. – С. 14, 15).

¹³ Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. – С. 233.

исключительная специфичность конкретных субъективных прав просто не позволяют сделать необходимые обобщения.

Например, некорректно приравнивать по значению к правомочию на чужое поведение, входящему в содержание обязательственного права, правомочие носителя данного права на собственное поведение. Ведь достижение цели обязательства, а значит, функционирование соответствующего субъективного права как системы выступает *следствием* именно поведения должника. Поведение кредитора создает лишь *условие* исполнения обязательства, причем принятие исполнения следует рассматривать в качестве обязанности (пусть и кредиторской), но не правомочия. Сказанное позволяет усомниться в наличии оснований для признания правомочия на собственное поведение элементом *всех* без исключения обязательственных прав.

Таким образом, в качестве системы должно рассматриваться единичное субъективное право, которое состоит из комбинации конкретных правомочий (субвозможностей) как элементов этой системы. Данное право, если оно относится к числу абсолютных, представляет собой возможность активного или пассивного поведения управомоченного субъекта в отношении объекта права («право на свое поведение»), или, если оно является относительным, – возможность поведения управомоченного субъекта в форме присвоения результата действий обязанного субъекта («право на чужое активное поведение»)¹⁴. Что касается набора правомочий, образующих конкретное субъективное право, то он определяется содержанием соответствующего правоотношения, а также тем, в каком состоянии находится само право – в нарушенном и неоспоренном либо, наоборот, в нарушенном или оспоренном.

Так, реально требовать признания только нарушенного или оспоренного регулятивного права. При этом исковая давность распространяется на требование о признании, предъявляемое с целью реализации правомочия, входящего в состав нарушенного права, и не распространяется на требование о признании, предъявляемое при осуществлении правомочия, входящего в состав оспоренного права. Ведь в силу ст. 195 ГК РФ исковая давность – это срок для защиты права по иску лица, право которого *нарушено*, но не оспорено.

С изложенных позиций и следует подходить к выяснению сущности явления, именуемого «правом на защиту».

В.П. Грибанов убедительно доказал, что заданным правом скрываются разноплановые возможности¹⁵.

Действительно, отдельные возможности защиты субъективного права заметно различаются между собой. К их числу, в частности, относятся: 1) возможность защиты односторонними действиями фактического или юридического порядка (возможность самозащиты или оперативного воздействия); 2) возможность принудительной реализации регулятивного права (например, возможность присуждения должника к исполнению противостоящей защищаемому регулятивному праву обязанности в натуре); 3) возможность присвоения результата действий субъекта охранительной обязанности, совершаемых добровольно или принудительно.

---

¹⁴ По мнению некоторых ученых, охранительное субъективное право (которое, как известно, является относительным) включает в себя наряду с правомочием на чужое поведение правомочие на свое поведение (см., напр.: Крашенинников Е.А. Регулятивные и охранительные субъективные гражданские права // Очерки по торговому праву: сб. науч. тр. – Вып. 14 / под ред. Е.А. Крашенинникова. – Ярославль, 2007. – С. 10, 11). Однако, как будет показано ниже, правомочие на защиту права собственными действиями управомоченного лица («правомочие на свое поведение») является элементом не охранительного, а защищаемого регулятивного права. По этим соображениям с приведенным мнением согласиться нельзя.

¹⁵ См.: Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав // Осуществление и защита гражданских прав. – М., 2001. – С. 107. В число составляющих право на защиту возможностей В.П. Грибанов включил, во-первых, возможность управомоченного лица использовать дозволенные законом средства собственного принудительного воздействия на правонарушителя, защищать принадлежащее ему право собственными действиями фактического порядка; во-вторых, возможность применения непосредственно самим управомоченным лицом юридических мер оперативного воздействия на правонарушителя; в-третьих, возможность управомоченного лица обратиться к компетентным государственным или общественным органам с требованием понуждения обязанного лица к определенному поведению.

Первая из перечисленных возможностей осуществляется исключительно без участия государственных (уполномоченных государством) органов, вторая – исключительно с участием указанных органов, третья – как с их участием, так и без него. Соответственно, в двух последних случаях обладатель нарушенного или оспоренного права наделен также возможностью обратиться в установленном порядке за защитой права к государственным (уполномоченным государством) органам, а именно *потребовать предоставления публично-правовой защиты*.

Возможность защиты односторонними действиями и возможность осуществления регулятивного права с помощью принудительной силы государства могут являться только элементами защищаемого права, поскольку их использование не требует дополнительного к уже имеющемуся содействия со стороны нарушившего или оспаривающего право лица. Указанные возможности не обладают таким неперенным признаком субъективного права, как обеспеченность отдельным должным поведением обязанного субъекта¹⁶. Следовательно, их можно рассматривать лишь в качестве субвозможностей (правомочий), входящих в содержание самого защищаемого регулятивного права в его оспоренном или нарушенном состоянии.

Другое дело – возможность присвоения результата действий носителя охранительной обязанности. Использование данной возможности предполагает совершение нарушителем права охранительных действий в виде предоставления исполнения, т. е. поведение должника, качественно отличающееся от предусмотренного нарушенной обязанностью. В этом случае идет речь об охранительном обязательстве и, соответственно, о самостоятельном охранительном праве как элементе данного обязательства¹⁷.

Наконец, использование возможности обращения за защитой права к государственным (уполномоченным государством) органам обеспечивается необходимыми действиями этих

¹⁶ Как видно, появление в составе субъективного права отдельных правомочий не отражается на содержании противостоящей этому праву обязанности. Однако вряд ли правильно сводить всякую юридическую обязанность к должностованию только активного поведения, переводя при этом пассивную обязанность в разряд «другого феномена правовой реальности», как это делают А. Б. Бабаев и В.А. Белов (Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. – С. 242). Ведь тогда придется одновременно признать «другими феноменами правовой реальности» (природа которых к тому же остается до конца не выясненной) все абсолютные права, которым корреспондируют пассивные обязанности, или же согласиться с тем, что названные права существуют вне правоотношений. Между тем абсолютное право принудительно осуществимо именно в отношении лица, нарушающего или оспаривающего это право, а не в отношении всех третьих лиц вообще. Что касается состояния связанности одного субъекта юридическим эффектом действия другого субъекта, то оно, действительно, не имеет никакого отношения к обязанности. Представляется, что под так называемым секундарным правом (секундарным правомочием) на самом деле скрываются два самостоятельных явления: 1) входящее в содержание обязательственного права правомочие на одностороннее изменение или прекращение соответствующего обязательственного правоотношения (в этом случае необходимо говорить об обычной юридической связи, а не о связанности); 2) конкретная фактическая возможность совершить действие, которое приводит к появлению юридического факта (завершению юридического состава), влекущего возникновение правоотношения (речь, таким образом, идет о фактической возможности реализовать правоспособность в благоприятно сложившихся для данного лица обстоятельствах, т. е. о законном интересе; поскольку юридическое значение имеет здесь действие по реализации возможности, но не сама возможность, ее нельзя признать субъективным правом или правомочием в составе субъективного права). Следовательно, состояние связанности как особое положение лица, на правовой сфере которого отразятся последствия реализации другим лицом фактической возможности, относится к благоприятно сложившимся для последнего обстоятельствам. До момента реализации данной возможности ее обладателем правового отношения еще нет. Приведенные соображения делают ненужной умозрительную теорию «надстройки» прав над существующим правоотношением», которая в свое время была предложена С.С. Алексеевым для объяснения природы секундарных правомочий (Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: учеб. пособие. – Вып. 2: Нормы права и правоотношения. – Свердловск, 1964. – С. 116).

¹⁷ В свете изложенного не совсем верной выглядит предложенная М.К. Сулейменовым концепция права на защиту, суть которой сводится к следующему. Право на защиту является одним из правомочий субъективного гражданского права. В то же время его, как и любое другое право, можно рассматривать в качестве самостоятельного субъективного права. Оно возникает в момент нарушения (оспаривания) субъективного гражданского права и реализуется в рамках устанавливающегося при этом охранительного гражданского правоотношения. Возникновение самостоятельного субъективного права одновременно является реализацией правомочия основного субъективного гражданского права. Право на защиту можно назвать производным субъективным правом (Сулейменов М.К. Избранные труды по гражданскому праву. – М., 2006. – С. 148). Однако на самом деле самостоятельным субъективным правом, возникающим в момент посягательства и реализующимся в рамках охранительного обязательства, является только та мера возможного поведения потерпевшего, которая обеспечена оригинальным поведением нарушителя.

органов. Указанная возможность является уже субъективным правом публичного порядка, которому корреспондирует обязанность государства осуществить защиту частного интереса. Словом, рассматриваемое право на защиту в силу положений ст. 11 ГК РФ, ст. 3 ГПК РФ и ст. 4 АПК РФ входит в содержание публичного правоотношения (гражданского процессуального, арбитражного процессуального, административного). Именно поэтому при наличии соответствующего обоснованного требования суд обязан предоставить потерпевшему защиту, в том числе удовлетворить иск.

Таким образом, возможность защиты односторонними действиями и возможность осуществления регулятивного права с помощью принудительной силы государства выступают элементами (охранительными правомочиями) соответствующего регулятивного права в его оспоренном или нарушенном состоянии; возможность присвоения результата действий субъекта охранительной обязанности образует субъективное гражданское право; возможность обращения за защитой права к государственным (уполномоченным государством) органам представляет собой входящее в содержание публично-правового отношения субъективное право на защиту другого субъективного права – частного, в том числе гражданского.

В целях дальнейшего исследования понятия «охранительное правомочие» и «охранительное право» необходимо соотнести с понятиями «требование» и «притязание».

Существуют два значения термина «требование»: требование как право (правомочие) требования, представляющее собой идеальную субстанцию (требование-возможность), и требование как действие, акт реализации права (правомочия) требования, получившее объективированное выражение и поэтому выступающее феноменом материального мира (требование-действие, например иск)¹⁸.

Что касается понятия «притязание», то им обыкновенно обозначается требование-возможность, способное к принудительному осуществлению. Т. е. притязанием именуют юридическую возможность, одновременно обладающую двумя признаками видового отличия: предназначенностью для защиты нарушенных (оспоренных) прав (законных интересов) и осуществимостью (реализуемостью) в судебном порядке¹⁹.

Сказанное позволяет определить притязание как *основанную на нормах права и осуществимую (реализуемую) в судебном порядке возможность, предназначенную для защиты нарушенных (оспоренных) прав и охраняемых законом интересов*. При таком подходе к числу притязаний относятся не только охранительные субъективные права, но и охранительные правомочия в составе нарушенных (оспоренных) регулятивных субъективных прав. В то же время не являются притязаниями меры самозащиты и оперативного воздействия, по определению реализуемые односторонними действиями управомоченного лица, т. е. вне правоприменения.

Отсюда видно, что понятия материально-правового требования-возможности и притязания полностью совпадают; требование-действие и притязание – различные понятия, хотя и взаимосвязанные, поскольку действительное, обоснованное требование-действие вытекает из материально-правового требования-возможности (притязания).

¹⁸ Двойственность понятия требования обусловлена природой правовых средств, среди которых всегда выделяются средства-установления (инструменты) и средства-деяния (технологии) (см. об этом: Проблемы теории государства и права: учеб. пособие / под ред. М.Н. Марченко. – С. 354–372 (автор главы – проф. А.В. Малько)).

¹⁹ Следует особо подчеркнуть, что один признак предполагает непременно наличие другого, поскольку судебная защита в силу п. 1 ст. 11 ГК РФ может быть предоставлена только нарушенным (оспариваемым) правам или законным интересам.

1.2. Охраняемый законом интерес

В силу ст. 2 ГПК РФ (ч. 1 ст. 2 АПК РФ) одной из задач гражданского (арбитражного) судопроизводства является защита не только прав, но и *охраняемых законом (законных) интересов*²⁰ участников общественных отношений.

Категория законного интереса находит в доктрине далеко не самое однозначное понимание. Весьма показательно в этом смысле следующее высказывание, имеющее более чем сорокалетнюю историю: «Нужно либо доказать, что никаких защищаемых законом интересов, помимо субъективных прав, не существует, а поэтому использование во многих актах... понятия «охраняемый законом интерес» ошибочно, либо, признав правомерность этого понятия, подвергнуть его исследованию как в общетеоретическом плане, так и в сфере отраслевых дисциплин»²¹.

Решение данной проблемы необходимо производить, отталкиваясь от следующих отправных начал.

Во-первых, принципиального значения в том, какой именно родовой термин употребить для определения понятия законного интереса – «стремление»²², «возможность блага»²³, «юридическая дозволенность»²⁴ и т. п., нет. В любом случае речь идет об осознанной потребности, стимулирующей человеческое поведение (стремление) к ее удовлетворению. В свою очередь, удовлетворение дозволенным поведением осознанной потребности приносит заинтересованному лицу несомненную выгоду (благо, пользу).

Во-вторых, интересы личности, как и сама личность, по существу, безграничны. Поэтому задача цивилистики видится в очерчивании круга тех интересов, нарушение или оспаривание которых допускает применение мер гражданско-правовой защиты. Словом, необходимо определить область существования законного интереса как объекта гражданско-правовой защиты.

Ошибочно отыскивать охраняемый законом интерес в плоскости процессуального права²⁵.

О законном интересе как об объекте защиты упоминается в Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 36 и ч. 3 ст. 55), ГК РФ (см., напр., абз. 2 ст. 13, ст. 31, п. 2 и 3 ст. 36, п. 1 ст. 55, п. 3 ст. 152 и т. д.), а также во многих иных нормативных актах преимущественно *материально-правового* характера (см., напр., абз. 2 п. 1 ст. 7 СК РФ, п. 2 ст. 1 ЖК РФ). Кроме того, признание охраняемого законом интереса процессуально-правовой категорией повлечет

²⁰ В юридической литературе высказываются различные взгляды на соотношение терминов «законный интерес» и «охраняемый законом интерес» (обзор имеющихся по данному вопросу точек зрения см.: Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. – СПб., 2004. – С. 76–78). Принимая во внимание принцип единства двухчленной квалификации (дихотомии), законный (*соответствующий* закону) интерес следует противопоставить интересу незаконному (*противоречащему* закону), который, очевидно, охраняться государством не может. При таком подходе понятие законного интереса оказывается шире понятия охраняемого законом интереса, поскольку многие не противоречащие закону интересы находятся за пределами правового регулирования и поэтому не могут охраняться юридическими средствами. Следовательно, использование в некоторых нормативных правовых актах терминологии «охраняемый законом интерес» следует признать более правильным. Однако, учитывая, что сам законодатель рассматриваемые понятия последовательно не разграничивает, они употребляются в дальнейшем как синонимы.

²¹ Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты // Избранные труды по гражданскому процессу. – СПб., 2005. – С. 55.

²² См., напр.: Ерошенко А. Судебная защита охраняемого законом интереса // Советская юстиция. – 1977. – № 13. – С. 19; Сауляк О.П., Экимов А.И. Споры вокруг законных интересов // Правоведение. – 2005. – № 2. – С. 220.

²³ Магазинер Я.М. Указ. соч. – С. 157.

²⁴ Малько А.В., Субочев В.В. Указ. соч. – С. 73.

²⁵ См., напр.: Гурвич М.А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Труды ВЮЗИ. – Т. 3. – М., 1965. – С. 83, 86; Бутнев В.В. Охраняемый законом интерес: понятие и механизм защиты // Вопросы теории охраняемых законом интересов: тез. докл. VI обл. науч. – практ. конф. молодых ученых и специалистов (4–6 февраля 1990 г.). – Ярославль, 1990. – С. 11.

за собой фактическую утрату ею своей самостоятельности. В частности, останутся без объяснения и правовой защиты многие интересы, не имеющие к судопроизводству никакого отношения. Сказанное не означает отрицания возможности существования процессуальных интересов, защищаемых процессуальными же способами. Однако объектом гражданско-правовой защиты выступают интересы в сфере общественных отношений, составляющих предмет гражданского права и иных материально-правовых отраслей²⁶.

В юридической литературе при исследовании понятия законного интереса нередко прибегают к его онтологической интерпретации (объективная, субъективная, объективно-субъективная концепции интереса)²⁷.

Указанные концепции по-разному определяют природу интереса. И хотя выяснение того, каким продуктом – общественного бытия, сознания или осознанного бытия – является интерес, должно производиться за пределами юридического анализа, в целях формирования пригодного для правоприменительной практики представления о законном интересе обращение к философским аспектам проблемы неизбежно.

Трактовка интереса как объективного явления, связанного исключительно с бытием предмета²⁸, неприемлема для частного (в том числе гражданского) права. Из абз. 1 п. 1 ст. 2 ГК РФ следует, что гражданским законодательством регулируются имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников (абз. 1 п. 1 ст. 2 ГК РФ). Поэтому к числу основных начал цивилистической отрасли относится принцип диспозитивности, согласно которому граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют свои права, в том числе право на судебную защиту. Соответственно, гражданско-правовой защите подлежат интересы конкретной личности (*индивидуальные интересы*), а не интерес общности, данный объективно и определяемый ее природой и условиями существования. *Коллективные интересы*, к числу которых относятся и *статусные интересы*, определяемые принадлежностью лица к известной социальной группе (интересы несовершеннолетних, интересы неопределенного круга лиц и т. п.), либо только учитываются в правоприменительной деятельности при разрешении юридических конфликтов (см., напр., ст. 566, 663, абз. 2 п. 2 ст. 1065 ГК РФ), либо выступают объектом публично-правовой защиты (например, при предъявлении государственным органом в случае, предусмотренном федеральным законом, иска в защиту публичных интересов).

Вместе с тем признание интереса *исключительно* продуктом деятельности человеческого мозга лишает рассматриваемое явление способности выступать объектом юридической защиты – *защитноспособности*, так как психологические процессы принципиально недоступны праву. В этом смысле трактовка законных интересов в качестве стремлений²⁹ требует уточнения, которое позволяло бы правоприменителю устанавливать наличие нарушенного (оспоренного) интереса на основании объективных данных.

Кроме того, охранительные гражданско-правовые отношения в первую очередь нацелены на устранение неблагоприятных последствий допущенного нарушителем деяния, приобретая в связи с этим, как правило, восстановительный характер. Интерес же, если его понимать исключительно в качестве стремления, вряд ли может быть восстановлен, поскольку любой психоло-

²⁶ См., напр.: Грибанов В.П. Интерес в гражданском праве // Осуществление и защита гражданских прав. – М., 2001. – С. 239, 240; Свердлык Г.А. Гражданско-правовые способы сочетания общественных, коллективных и личных интересов. – Свердловск, 1980. – С. 66; Чечот Д.М. Указ. соч. – С. 55.

²⁷ См., напр.: Грибанов В.П. Указ. соч. – С. 235–238; Малько А.В., Субочев В.В. Указ. соч. – С. 14–25.

²⁸ Гак Г.М. Общественные и личные интересы и их сочетание при социализме // Вопросы философии. – 1965. – № 4. – С. 19.

²⁹ См., напр.: Ерошенко А. Указ. соч. – С. 19; Малько А.В., Субочев В.В. Указ. соч. – С. 73; Сауляк О.П., Экимов А.И. Указ. соч. – С. 220.

гический процесс, имеющий строгие временные рамки, необратим. При таких условиях применение гражданско-правового инструментария становится весьма проблематичным.

Наконец, использование в целях юридического исследования субъективной концепции интереса не позволяет объяснить, каким образом могут быть нарушены без физического уничтожения лица его стремления, не соотносящиеся с той жизненной ситуацией, в которой это лицо находится. В том-то все и дело, что когда речь идет о нарушении или оспаривании интереса, имеется в виду вторжение нарушителя в реальные условия, в которых находится заинтересованное лицо.

Во-первых, стремлению, находящемуся в субъективной сфере, следует давать объективную оценку. В частности, для того, чтобы установить, подлежит ли интерес защите, необходимо исследовать обстоятельства, в которых находилось лицо в момент нарушения или оспаривания данного интереса. Иными словами, надлежит выяснить, мог ли быть удовлетворен в конкретной жизненной ситуации тот интерес, о защите которого идет речь.

Так, по смыслу п. 1 и 2 ст. 234 ГК РФ, интерес лица в сохранении неущемляемого давностного владения имуществом как своим собственным подлежит защите при условии, если оно носит добросовестный и открытый характер. Соответственно, недобросовестное и (или) тайное владение имуществом не способно удовлетворить интерес лица в приобретении права собственности на имущество³⁰.

Во-вторых, в одной и той же ситуации у субъектов, имеющих различный психологический склад, могут быть и разные стремления, включая объективно вредные для личности и (или) не соответствующие закону. Очевидно поэтому, что защита может быть предоставлена только разумным и добросовестным интересам, удовлетворение которых принесет лицу действительную пользу и которые не противоречат закону, а также не нарушают права и аналогичные интересы других лиц. В этом смысле осознание потребностей может производиться заинтересованным лицом (или законным представителем недееспособного заинтересованного лица), а при возникновении спора – правоприменительным органом только в тех границах, которые очерчены законодателем.

Например, в силу п. 2 ст. 171 ГК РФ интерес гражданина, недееспособного вследствие психического расстройства, в признании правовых последствий (действительности) совершенной им сделки подлежит защите, если сделка совершена к *выгоде* этого гражданина³¹.

Таким образом, индивидуальный интерес существует в конкретных обстоятельствах, использование которых приносит лицу выгоду, т. е. является *ситуационным*. Такой интерес представляет собой непереносимое единство объективного и субъективного моментов.

Большинство ученых связывает существование законных интересов с неспособностью или нежеланием законодателя опосредовать разнообразные и постоянно возрастающие интересы личности субъективными правами³². Отсюда выводится главным образом *неюридический* (в том числе «экономический», «количественный», «качественный» и т. п.) характер причины существования охраняемых законом интересов.

Вместе с тем предложена *нормативная теория законного интереса*, в силу которой последний имеет юридическое происхождение. Например, как полагает Ф.О. Богатырев, в

³⁰ В обширной отечественной и зарубежной юридической литературе по проблеме владения были высказаны различные объяснения его защиты, которые можно условно объединить в три типа: естественно-правовой, публично-правовой и частно-правовой (подробнее об этом см.: Коновалов А.В. Владение и владельческая защита в гражданском праве. – СПб., 2004. – С. 101–110). Принимая во внимание приведенные выше замечания, следует признать, что в предусмотренном п. 2 ст. 234 ГК РФ случае защиту получает не само владение, а охраняемый законом интерес узупаиента в приобретении посредством владения права собственности на вещь.

³¹ По смыслу данной правовой нормы, сделка может быть признана действительной, а следовательно, интерес недееспособного защищен и при условии отсутствия у сделки иных пороков, делающих ее недействительной.

³² См., напр.: Явич Л.С. Общая теория права. – Л., 1976. – С. 188; Малеин Н.С. Охраняемый законом интерес // Советское государство и право. – 1980. № 1. – С. 30, 31; Малько А.В., Субочев В.В. Указ. соч. – С. 101–107.

сфере интересов, не опосредуемых субъективным правом (охраняемых законом интересов), регулятивного правоотношения вообще не может быть; в момент нарушения интереса возникает лишь охранительное правоотношение³³.

Неспособность (нежелание) законодателя опосредовать те или иные стремления личности субъективными правами нельзя признать удачным гносеологическим объяснением законных интересов.

Предмет правового регулирования составляют общественные отношения, которые объективно могут быть урегулированы правом и в данных условиях требуют юридического воздействия³⁴. Следовательно, интерес в сфере общественных отношений, которые объективно не могут быть урегулированы правом, законом не охраняется вовсе и поэтому не подлежит правовой защите.

А вот когда законодатель намеренно отказывается от какого-либо воздействия на составляющие предмет правового регулирования общественные отношения, имеет место ошибка в праве, которая может быть исправлена только самим законодателем³⁵. Соответственно, до исправления такой ошибки интересы личности, лежащие в сфере указанных отношений, лишены юридической защиты. Если входящие в предмет правового регулирования общественные отношения оказались незамеченными законодателем по иным субъективным причинам либо появились уже после принятия нормативного акта, необходимо вести речь о пробеле в праве, восполнение которого осуществляется посредством аналогии закона или аналогии права. Однако и при аналогии закона, и при аналогии права соответствующее общественное отношение рассматривается в качестве правоотношения, т. е. вопрос о происхождении законных интересов по-прежнему требует ответа.

Думается, что законные интересы имеют юридические предпосылки своего существования.

Все интересы, относящиеся к предмету правового регулирования, несомненно, должны получить нормативную регламентацию. Целенаправленное же воздействие права на общественные отношения состоит в создании как собственно регулятивных правил, устанавливающих меру возможного и должного поведения участников этих отношений, так и охранительных норм, предусматривающих последствия мыслимых нарушений названной меры. При этом определенный личностный интерес предстает в качестве *только* охраняемого законом именно постольку, поскольку субъективное право или еще не приобретено, или уже уничтожено нарушением.

Итак, юридически значимый характер имеет тот индивидуальный интерес, который подлежит удовлетворению посредством осуществления субъективного права, или, говоря иначе, реализации правоотношения. В свою очередь, указанный интерес имеет три стадии развития: 1) интерес в приобретении субъективного права; 2) интерес в сохранении приобретенного субъективного права; 3) интерес в осуществлении сохраняющегося субъективного права³⁶. Причем на второй или третьей стадии соответствующий интерес может быть утрачен лицом, что, однако, не приведет к автоматическому прекращению уже приобретенного субъективного права. Отмеченное обстоятельство, помимо прочего, демонстрирует самостоятельность субъективного права по отношению к интересу.

Интерес в осуществлении наличного субъективного права защищается исключительно через защиту этого права. Отсюда видно, что отдельно от субъективного права реальна правовая защита интереса только в двух случаях: 1) когда лицо находится в ситуации, предоставля-

³³ См.: Богатырев Ф.О. Интерес в гражданском праве // Журнал российского права. – 2002. – № 2. – С. 39.

³⁴ См., напр.: Общая теория права и государства: учебник/под ред. В.В. Лазарева. – М., 2007. – С. 148.

³⁵ См., напр.: Общая теория права и государства: учебник/под ред. В.В. Лазарева. – М., 2007. – С. 263, 264.

³⁶ Интерес в исполнении юридической обязанности реализуется через так называемое дебиторское право.

ющей ему *фактическую* возможность приобрести субъективное право, т. е. стать участником конкретного правоотношения, реализовав тем самым свою правоспособность³⁷; 2) когда субъективное право уничтожено нарушением, но бывший обладатель этого права (или его правопреемник) существует.

Любопытна для настоящего исследования проблема последствий незавершенного юридического (фактического) состава, по которой еще в советской цивилистике были высказаны две противоположные точки зрения.

Как указывал О.С. Иоффе, «при наступлении некоторых или хотя бы даже одного из фактов, являющихся элементами юридического основания права, могут наступить известные, хотя и не завершенные, правовые последствия»³⁸.

Другого мнения придерживался О.А. Красавчиков: «Поскольку юридические последствия наступают в результате накопления всех необходимых элементов юридического состава, постольку нельзя и говорить о юридических последствиях, наступающих якобы в связи с наличием одного или нескольких элементов незавершенного состава. До тех пор пока юридический состав не завершён в своем объеме и содержании, до тех пор и составляющие его элементы остаются только фактами. Юридическими эти факты становятся только тогда, когда количественные изменения (накопление) в составе окончены и следуют изменения качественные. Только завершённый состав становится юридическим. В противном случае, если признать эти факты юридическими для развития определенного правоотношения еще до завершения процесса накопления состава, то необходимо признать существование таких юридических фактов, которые не порождают юридических последствий»³⁹.

Второй подход представляется более обоснованным. Понятие «незавершенные правовые последствия» содержит внутреннее противоречие, так как правовые последствия или есть, или их нет. Третьего здесь не дано. Так, оферта порождает состояние связанности оферента, которое трудно признать правовым отношением как неразрывной связью субъективного права и корреспондирующей ему обязанности. А вот когда некоторые уже наступившие факты, которые в будущем совместно с другими, пока ненаступившими фактами должны образовать юридический состав, влекут в своей совокупности реальные правовые последствия, речь идет о юридическом составе, отличном от накапливаемого. Иначе говоря, одни и те же обстоятельства объективной действительности могут выступать элементами различных юридических составов.

Таким образом, «незавершённый юридический состав» либо вообще не является юридическим составом в техническом значении этого понятия, либо представляет собой самостоятельный, полностью «завершённый», а поэтому «обыкновенный» юридический состав.

Вместе с тем зачастую охраняемый законом интерес как раз формируется обстоятельствами, являющимися элементами юридического состава, накопление которого повлечет возникновение желаемого заинтересованным лицом субъективного права. Следовательно, юридическое значение «незавершенного юридического состава» заключается не в правообразовании, а в том, что он придает соответствующему интересу режим охраняемого законом.

³⁷ Как правильно указывает М.А. Козлов, «назрела необходимость выделять интерес, который реализуется субъектом путем вступления в правоотношения, но который еще не перешел в стадию его регулирования субъективными правами» (Козлов М.А. Субъективное право и охраняемый законом интерес как предметы судебной защиты // Журнал российского права. – 2008. – № 3. – С. 76). Однако предложение именовать такой интерес «промежуточным законным интересом» вряд ли корректно, поскольку с учетом сделанного ниже замечания он выступает самостоятельным объектом гражданско-правовой защиты и в этом смысле представляет собой вполне завершенное явление.

³⁸ Иоффе О.С. Указ. соч. – С. 166.

³⁹ Красавчиков О.А. Указ. соч. – С. 113.

По разным причинам не являются объектами гражданско-правовой защиты такие ситуационные юридические интересы, как «рефлекс права», заслуживающие уважения интересы и интересы, защищаемые в делах особого производства.

Рефлекс права есть выгода, извлекаемая лицом не из лично ему принадлежащего права, а вследствие случайно благоприятного ему права третьего лица⁴⁰. В то же время защита интереса, представленного рефлексом права, возможна при условии защиты самого права. Иными словами, рефлекс права не может защищаться отдельно от права, рефлексом которого он является. А поскольку такое право всегда принадлежит другому лицу, защита «рефлекторного» интереса не может осуществляться по свободному усмотрению заинтересованного лица. Поэтому признать рефлекс права *самостоятельным* объектом защиты, в частности охраняемым законом интересом, не представляется возможным.

Заслуживающими уважения являются интересы, обусловленные нахождением лица в положении, которое следует принимать во внимание в процессе применения права (как правило, с целью справедливого определения содержания правоотношения). Иными словами, данные интересы прямо не защищаются, а только учитываются в правоприменительной деятельности.

Например, по смыслу абз. 2 п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2004 г. № 7 «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей»⁴¹ суд вправе уменьшить размер неустойки, если она явно не соразмерна последствиям нарушения обязательств, при этом должны быть приняты во внимание степень выполнения обязательства должником, имущественное положение истца (т. е. его интерес), а также не только имущественный, но и всякий иной заслуживающий уважения интерес ответчика. Другим примером заслуживающих уважения интересов являются законные интересы, подлежащие в силу ст. 58 ЖК РФ учету при предоставлении жилых помещений по договорам социального найма.

По мнению многих процессуалистов, охраняемые законом интересы являются предметом судебной защиты в делах особого производства (*интересы, защищаемые в делах особого производства*)⁴².

«Защищая охраняемый законом интерес в порядке особого производства, – указывает, например, Ю.А. Попова, – заявитель добивается... установления факта, имеющего юридическое значение... Таким образом, защищаемые в порядке особого производства охраняемые законом интересы являются предпосылкой защиты субъективных прав»⁴³.

Следовательно, в особом производстве как одной из форм правоприменительной деятельности защищаются интересы, которые не нарушены и не оспорены⁴⁴. Напротив, гражданско-правовой защите подлежит именно нарушенный или оспоренный законный интерес.

Итак, *самостоятельным объектом гражданско-правовой защиты выступает нарушенный или оспоренный индивидуальный ситуационный интерес как сформированная в конкретных жизненных обстоятельствах, не являющихся юридическими фактами, а поэтому не порождающих правоотношение, и осознанная потребность в приобретении субъективного*

⁴⁰ О рефlekсах права подробнее см.: Магазинер Я.М. Указ. соч. – С. 154, 155, 170–177.

⁴¹ СПС «КонсультантПлюс».

⁴² См., напр.: Гуреев П.П. Защита личных имущественных прав. – М., 1964. – С. 66; Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессе. – Саратов, 1970. – С. 34; Мельников А.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. – М., 1969. – С. 203.

⁴³ Попова Ю.А. Материально-правовое и процессуальное содержание охраняемых законом интересов как предмета судебной защиты // Осуществление и защита гражданских и трудовых прав: сб. науч. тр. / Кубан. гос. ун-т; отв. ред. Т.Д. Чепига. – Краснодар, 1989. – С. 128.

⁴⁴ Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР (научно-практический) / под ред. М.С. Шакарян. – М., 2001. – С. 564. В данном случае судебная защита сводится к оказанию государственной помощи в реализации ненарушенного и неоспоренного интереса личности.

права, т. е. в реализации правоспособности⁴⁵. Причем правильнее считать объектом гражданско-правовой защиты личное право на уважение подобного интереса⁴⁶. Иначе трудно объяснить механизм гражданско-правовой защиты, ведь обязанность пассивного типа, несоблюдение (угроза несоблюдения) которой приводит к нарушению (оспариванию) интереса, должна противостоять субъективному праву⁴⁷. Следовательно, гражданско-правовая защита законного интереса данной разновидности осуществляется путем защиты личного права – нарушение или оспаривание охраняемого законом интереса связано с одновременным нарушением или оспариванием права на уважение этого интереса. Указанному праву и корреспондирует обязанность воздерживаться от всяких действий, создающих препятствия в осуществлении интереса⁴⁸. В то же время, сохраняя в уме приведенные замечания, для удобства дальнейшего изложения такой законный интерес признаем объектом гражданско-правовой защиты.

Так, препятствуя получению оферентом акцепта оферты, не являющееся органом связи лицо нарушает охраняемый законом интерес и оферента, и акцептанта, поскольку последние находятся в ситуации, дающей им фактическую возможность реализовать правоспособность путем заключения договора⁴⁹.

Кроме того, *самостоятельно защищается гражданско-правовыми мерами индивидуальный ситуационный интерес в сохранении субъективного права, нарушение которого привело к невозможности восстановления данного права*. Гражданско-правовая защита в этих случаях осуществляется в рамках охранительного обязательства, так как у потерпевшего взамен утраченного регулятивного права возникает право охранительное⁵⁰.

«Например, реализуя притязание на возмещение вреда, возникшее в результате противоправного уничтожения имущества, – отмечает Е.А. Крашенинников, – суд защищает не право собственности на имущество (его у истца уже нет) и не осуществляемое им деликтное притязание (это не предмет, а средство защиты (правильнее – охранительное право, предусматривающее меру защиты. – Прим. авт.)), а охраняемый законом интерес бывшего собственника в восстановлении своего имущественного положения»⁵¹.

⁴⁵ Сказанное не позволяет согласиться с трактовкой законного интереса как общего права, которым обладают все, а не конкретный субъект (Малеин Н.С. Указ. соч. – С. 32, 33). Законный интерес – это осознанная потребность в правомерной реализации правоспособности, а не элемент самой правоспособности.

⁴⁶ Под уважением интереса следует понимать признание этого интереса, почтительное отношение к нему, в том числе и воздержание от действий, препятствующих его осуществлению.

⁴⁷ Включение в содержание законного интереса каких-либо правомочий представляется логически неверным, так как они по определению выступают элементами субъективного права.

⁴⁸ Ст. 65 Конституции (Основного закона) СССР 1977 г. прямо провозглашала, что гражданин СССР обязан уважать права и законные интересы других лиц.

⁴⁹ Ошибочно поэтому рассматривать возможность акцептанта принять предложение заключить договор в качестве «секундарного правомочия (или секундарного права)», поскольку данная возможность носит фактический, а не юридический характер. При этом состояние связанности испытывает не только оферент, но и акцептант, направивший свой ответ, – при получении акцепта оферентом договор окажется заключенным, несмотря на возможное изменение намерений акцептанта.

⁵⁰ Охранительное субъективное право может быть направлено и на защиту сохраняющегося регулятивного субъективного права, в частности при реституции владения.

⁵¹ Крашенинников Е.А. Давность притязаний // Очерки по торговому праву: сб. науч. тр. – Вып. 10 / под ред. Е.А. Крашенинникова. – Ярославль, 2003. – С. 6. Об также см.: Гражданское право: учебник: в 3 т. – Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. – С. 542 (автор главы – А.П. Сергеев).

2. УЧАСТНИКИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

Участниками гражданско-правовой защиты являются лица, имеющие отношение к деятельности по реализации охранительного права или охранительного правомочия в составе нарушенного (оспоренного) регулятивного права. Соответственно степени причастности к указанной деятельности можно выделить следующие группы лиц: 1) лица, осуществляющие гражданско-правовую защиту, – управомоченные (заинтересованные) лица, которым принадлежит реализуемое охранительное правомочие или охранительное право (субъекты гражданско-правовой защиты); 2) обязанные лица, в отношении которых осуществляется гражданско-правовая защита; 3) лица, одновременно являющиеся участниками публично-правовой защиты, за исключением сторон спорного гражданско-правового отношения⁵²

---

⁵² Стороны спорного правоотношения также могут одновременно являться участниками публично-правовой защиты, однако в целях настоящего исследования они образуют две ранее названные группы лиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.